

**ИЗ-ЗА ЛЕСА, ИЗ-ЗА ГОР ПОКАЗАЛ МУЖИК ТОПОР:
ЛИМЕРИК И НЕБЫЛИЦЫ КАК КОЛОНИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ¹**

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Астраханский государственный университет, Россия, 414056, г. Астрахань, Татищева 20а, e-mail: shulong@mail.ru.

Вопрос соотношения ряда малых форм русского и английского фольклоров остаются открытыми. Не всегда можно найти адекватные термины для перевода ряда форм и жанров английского фольклора на русский язык и наоборот. Вместе с тем некоторые из них представляют собой очень интересные феномены, отражающие различные периоды истории наших стран. Данная статья анализирует такую форму английской литературы, как лимерик. Автор полагает, что лимерик, появившийся во второй половине XIX в., отражает особый характер викторианской эпохи в Англии, характерными чертами которого были колониальный статус страны и изменение культурных норм жителей британских островов, ставших частью огромной империи, над которой солнце никогда не заходило. Типичным представителям этой эпохи стали Э. Лир, Р. Киплинг, А. Теннисон, являвшиеся носителями особой колониальной ментальности. Поэтому как лимерик, так и другие формы и жанры викторианской литературы были своеобразной рефлексией на встречу с Чужим. Лимерик как бы готовил детей к новой реальности, в которой они станут частью огромного мира, в котором им предстоит столкнуться с этим Чужим.

Ключевые слова: небылицы, лимерик, Эдвард Лир, колониальная литература, викторианская эпоха, Чужой, Другой, колониализм, фольклор, эротизация

**OVER THE FOREST, OVER THE MOUNTAINS SHOWED THE MAN AN AXE:
LIMERICK AND FICTION AS A COLONIAL MENTALITY**

Yakushenkov Sergey N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: shulong@mail.ru.

The question of correlation of a number of small forms of Russian and English folklore remains open. It is not always possible to find adequate terms for the translation of a number of forms and genres of English folklore in Russian language and Vice versa. However, some of them are very interesting phenomena, reflecting the various periods in the history of our countries. This article analyses such form of English literature as Limerick. The author believes that Limerick, which appeared in the second half of the nineteenth century, reflects the special character of the Victorian era in England, characteristic features of which was the colonial status of the country and changing the cultural norms of the inhabitants of the United Kingdom, which became part of a huge Empire on which the sun never came. Typical representatives of this age are E. Lear, R. Kipling, A. Tennyson – carriers of the special colonial mentality. Therefore, as Limerick, and other forms and genres of Victorian literature were a kind of reflection on meeting with a Stranger. Limerick prepared children for a new reality in which they become a part of a huge world in which they encounter with this Stranger.

Keywords: fiction, Limerick, Edward Lear, colonial literature, the Victorian era, Stranger, the Other, colonialism, folklore, erotization

Из множества лесо-горных историй мы выбрали именно эту – с мужиком. Хотя можно было бы остановиться и на дедушке Егоре, в которой он также появляется из-за леса и из-за гор:

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ 15-03-00402 «Чужой / Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации».

Из-за леса, из-за гор
Едет дедушка Егор [8].

При этом дедушка Егор очень часто показывается со всем своим большим семейством – жена, дети, внуки, передвигающиеся на самой различной живности (лошадке, коровке, телятках, козлятках) [3, с. 145; 159].

Все эти путешествия дедушки Егора, отнесенные К. Чуковским к «лепым нелепицам» и «стихам-перевертышам» [7, с. 255] лишь отчасти касаются темы нашей статьи, однако, не очень и далеки от нее.

Отнесенные к жанру небылиц (скоморошин, перегудок), они представляют собой особое явление в фольклоре многих народов. В отечественном литературоведении под небылицами принято понимать «песенное или прозаическое произведение русского фольклора, поэтическую основу которого составляет нарочитое изображение абсурдной, полной несообразностей действительности, что должно вызвать комический эффект» [2, с. 625].

В англофонной литературе небылицам соответствует сразу несколько жанров: *limerick*, *nonsense*, *tall tales* и т.д. В попытке соотнести наши примеры из русского фольклора с английскими вариантами мы сталкиваемся с некоторыми трудностями. Конечно, даже если по своему содержанию русские варианты с мужиком, показывающим топор из-за леса, из-за гор, и с дедушкой Егором и похожи по содержанию на англоязычные лимерики, но ни в коей мере не соответствуют их стилю. Русский мужик с топором ближе к похабной частушке. Дедушка Егор, выезжающий из далека со своим семейством, близок к английскому нонсенсу.

В данной статье нам бы хотелось поговорить о еще одной особенности подобных фольклорных произведений и о возможности отнести их к фронтирным произведениям.

На первый взгляд между ними нет ничего общего. Однако, при тщательном рассмотрении у нас оказывается целостная система, в основе которой лежит именно фронтирный мотив, оказывающийся реакцией на встречу с новым.

Как ни странно, именно американский фольклор помогает нам понять некоторые российские сюжеты, давая возможность соотнести (фронтир соотносит?) их с заокеанскими примерами, особенно если это касается американских *tall tales*. Мы специально не переводим данный термин, так как полагаем, что русский перевод этих произведений как «небылицы» уводит нас от истинного смысла оригинального текста, не давая нам возможность понять истинный их смысл.

Хотя традиционные лимерики очень далеки от фронтирных *tall tales*, однако и у них есть нечто общее, что роднит их с русскими частушками, наподобие той, что мы вынесли в заглавие. Это связующее звено – гротеск. В отдельных случаях перед нами не просто гротеск, а гротескное тело (по М.М. Бахтину), которое постоянно трансформируется и трансформирует все вокруг.

Это тело не терпит правил, оно удивительным образом близко к телу трикстера, представленному в том варианте, который известен нам по сказкам североамериканских индейцев [4].

И хотя подобные частушки про мужика с топором относят к похабным (*bawdy* – по-английски), в них нет похабности, как нет его и в поведении индейского трикстера. Есть лишь непосредственность и единение с природной средой, которая не знает аксиологических составляющих. В них кипит страсть, сила и природная энергия, двигающая героями.

Тоже самое мы можем сказать и про лимерики, которые, как особый жанр возникают лишь в конце XIX в. Хотя очень часто лимерики воспринимают как детскую литературу, таковой ее можно назвать лишь отчасти. Нет нужды повторять, что значительный вклад в формирования жанра лимерика сделал английский поэт Э. Лир, но, все же следует оговориться, что он был не единственным, кто повлиял на его популярность. Не лишне заметить, что вряд ли

произведения свои он писал для детей, в той же мере, как и Л. Кэрролл свою Алису предназначал не только детям. Именно поэтому-то книга снискала такую популярность среди взрослого населения не только в Англии, но и во многих странах мира.

Хотя Г.К. Честертон полагал, что «...нонсенс – часть особого дара англичан; но также и неуловимого парадокса англичан. Никто, кроме них не смог бы создать такой бессмыслицы; однако никто, кроме них, создав такую бессмыслицу, не попытался бы отнестись к ней серьезно» [6, с. 4]. И хотя Честертон говорил о нонсенсе Кэрролла, однако, с той же уверенностью мы можем отнести эти слова и к творчеству Э. Лира и многих других поклонников лимерика.

Однако, появление этого жанра следует связать не столько с любовью англичан к бессмыслице, сколько с особой эпохой, которую принято называть викторианской, – эпохи активной колониальной экспансии Великобритании.

И если в «Алисе» это не столь заметно, то в лимериках это проявлялось с удивительной регулярностью. Герои лимериков оказываются жителями самых разных мест и стран: Конго, Нигера, Гонконга, Меконга, Мадраса, Кито, Лимы и т.д.

Не лишне заметить, что помимо Э. Лира, в начале формирования этого жанра пробовал себя в нем и Р. Киплинг – один из столпов английской колониальной литературы. Да и Э. Лир был не чужд колониальной поэтики, что нашло отражение во множестве его стихов, среди которых прежде всего хотелось бы отметить «Сватовство Йонги Бонги-Бо», где все события разворачиваются на побережье Короманделя. Но мало кто знает, что это реальное место, расположенное в Южной Индии на берегу Бенгальского залива, которое Э. Лир посетил в 1874 г. В Индию Лир отправился по приглашению своего друга вице-короля Индии Томаса Бэринга, графа Нортбрукского, с которым Лир поддерживал очень дружеские отношения. В 1872 г. Т. Бэринг был назначен вице-королем, и пригласил своего друга погостить у него [27, р. 1]. Лир познакомился с Т. Бэрингом в Риме еще в 1848 г., и с тех пор их дружба не прерывалась. Кроме этого, Лир был влюблен в племянницу графа Эвелин Бэринг, но так и не сделал ей предложение. Возможно из-за тридцатилетней разницы в возрасте. Поэтому в метафорическом плане «Сватовство Йонги Бонги-Бо» как бы отсылает нас к самому Лиру и Э. Бэринг, которая служила секретарем у своего дяди.

Вообще Э. Лир всегда пользовался поддержкой влиятельных семейств Англии, так что не только поездка в Индию связывала его с колониальной историей Англии. Он пользовался покровительством лорда Стенли – одного из влиятельнейших людей в Англии и увлеченного натуралиста, а в 1846 г. его даже пригласили давать уроки рисования молодой королеве Виктории [23, р. 85]. Дружил Лир и с известным бизнесменом, скопившим свои миллионы на торговле с Китаем, и филантропом Т. Хэнбери, создавшим известным ботанический Хэнбери в итальянском местечке в Мортале на границе с Францией. Именно Хэнбери помогает Э. Лиру купить участок земли рядом со своей виллой.

Его постоянно приглашали к оформлению различных книг по орнитологии и ботанике, он много рисовал пейзажи в тех странах где путешествовал, а путешествовал он очень много: Греция, Турция, Албания, подолгу жил в Италии на своей вилле, где собственно и умер. До последних дней за ним ухаживал его слуга албанец. Два его брата уехали в США, а одна из сестер в Новую Зеландию. Один из братьев работал врачом в миссионерской больнице в Западной Африке, где и умер от малярии.

Конечно, не стоит воспринимать колониализм Э. Лира слишком узко. Он не был апологетом колониальной эксплуатации человека человеком, не призывал к колониальным захватам. Его колониализм другого рода. Это колониализм молодой нации, осознавшей себя активной частью мира, выходящей за границы своего национального мира. Это национализм культурной экспансии, впитывающий в себя все чудеса мира: литературу, искусство, природу

других народов. Это колониализм литераторов, художников, натуралистов, путешественников, политиков и ученых.

Можно смело сказать, что Э. Лир вмещал в себя множество этих колониальных ипостасей. Помимо своих смешных стихов и баллад он оставил нам чудесные травелоги своих путешествий, акварели различных мест, которые ему удалось посетить, чудесные орнитологические и зоологические рисунки и многое другое [19–22].

Жизнь Э. Лира – это своеобразный подвиг пытливого человека, который, впрочем, уставал от людей. Он не был капризным, не был придиричивым, но люди утомляли его. Его странствия и его произведения – типичный пример эскапизма, ухода от серостей будней в невероятно чудесный мир, дарующий человеку что-то новое: «Герои и героини лимриков Лира – чудаки, люди, которые нарушают общепринятые правила поведения. На страницах его книжек возникает особый, ни на что не похожий мир, мир игры, странных «бессмысленных» действий и нонсенса. В этом мире едят самые неожиданные блюда, ходят на ходулях, переодеваются в женское платье, нанимают почтенных дам, чтобы носить нос непомерной величины. В нём нет ничего того, что часто встречается в жизни. В нём не притворяются, не подличают, не унижаются перед властью имущими, не лицемерят, не боятся болезни и смерти, не дрожат перед тем, что скажут люди» [1, с. 8]. Скучные будни повседневности, нашедшие свое отражение в произведениях Диккенса, тяготили англичанина. Настроение эпохи как нельзя лучше отразил А. Теннисон в поэме «Локсли Холл» (1842), противопоставляя бесцветную жизнь в Англии чудесному Востоку, где и провел свое детство герой:

*«Здесь сама природа чахнет... О, сияющий Восток –
Там, вдали, приют найду я – там, где дней моих исток».*

Правда, для героя Теннисона избавлением от затхлости европейского мира может быть и странствия в отдаленные неизведанные земли:

*«Или, распротысь с привычным, плыть куда глаза глядят –
К золотым архипелагам около рассветных врат?
Там – лучистые созвездья, там – медовый отсвет лун;
С ветки вспархивает птица, скалы оплетает вьюн.
Гам над волнами не реет гордый европейский флаг;
Опахала пальм роняют благовонный полумрак,
Клонятся к земле соцветья, золотится сочный плод,
Дремлют острова Эдема на груди пурпурных вод.
Там, должно быть, жизнь отрадней, нежели в кругу людей –
В мире дымных паровозов, пароходов и идей» [5, с. 99–101].*

Все это, на наш взгляд, и есть результат «встречи с чужим» (Cultural Encounter), которое испытали многие англичане, оказавшись частью нового большого чудесного мира. Недаром произведение Л. Кэрролла называется «Алиса в Стране чудес» или по-английски Alice's Adventures in Wonderland. Вот эта чудесная страна (анг. *wonderland*) и диковины чудесной страны и были частью колониальной истории Великобритании. Они постоянно пытались не только разведать ее, но и воссоздать ее в миниатюре, обустроивая зоопарки, ботанические сады, зоологические музеи и т.д. Ну, а книги бессмыслиц Э. Лира были всего лишь детской проекцией этого мира чудес. Именно поэтому они постоянно рассказывают про различных странных людей со всего света. Лир как бы готовит юного читателя к встрече со всеми чудесами этой Wonderland.

Эта встреча с Чужим приводит в конечном итоге к появлению целого ряда фантазмагорических сюжетов и персонажей, на что мы уже указывали в ряде своих статей [9; 10].

Эти произведения оказываются близки к средневековым bestiариям или даже более архаичным мифам, посвященным странствиям и проделкам трикстера – этого универсального мастера чудачеств. Мы уже упоминали, эту близость гротескного тела героя лимерика с трикстером. Но есть и еще одна характерная черта, которая позволяет сопоставлять их – их нераздельность с миром природы. Как отмечает российский специалист по английской литературе Н.М. Демурова «Герои Лира постоянно общаются с животным миром. Более того, они не смотрят на животных как на существ иной породы. Птицы, рыбы, насекомые, лошади, коровы и прочие вступают в самые близкие отношения с героями Лира. Птицы выют гнёзда в бородах его стариков и на шляпах его дам; герои танцуют с птицами, посещают рыб, ухаживают за ними и т.д. Рисунки Лира подчёркивают сходство между его героями и их партнёрами из животного мира. Человек, нанявший внучек, чтобы они ловили ему жаб, сам на удивление похож на жабу; дама, нянчащая рыб на дне морском, ну прямо вылитая рыба!» [1, с. 8–9]. Но именно это также характерно и для трикстера. Да и сам он порой больше животное, чем человек.

Однако, было бы крайне неверно все-таки сводить книги Лира и его литературные экзерсисы лишь к жанру детской литературы. Лимерики становятся частью и взрослой литературы, только тематика их резко меняется. Будучи продуктом викторианской атмосферы, лимерики быстро вбирают в себя самые разнообразные аспекты. Не обошлось и без сексуального подтекста или даже открытого порнографического, но и эти лимерики продолжают называться *nursery rhymes* (анг. «детские стишки»).

Как и в детских стишках, во взрослых лимериках действуют персонажи со всего света. Они постоянно совершают самые разнообразные поступки эротического характера. Их действия столь же сумасшедшие, как и в детских стишках, но с той лишь разницей, что все они имеют отношение к сексуальности, чем к детским развлечениям.

Как и в средневековых антиклерикальных стихах в них много богохульства, что также роднит их с карнавальными культурами. Одним из типичных примеров подобных лимериков может служить стихотворение, написанное художником и поэтом О. Бёрдсли:

“There was a young lady of Lima
Whose life was as fast as a steamer.
She played dirty tricks
With a large crucifix
Till the spunk trickled right down her femur¹” [14, p. 9].

Мы приводим это стихотворение, так как, возможно, именно О. Бёрдсли принадлежит право употребления термина «лимерик» по отношению к этому жанру. Этот прием отсылает персонажа в экзотические страны для описания его необычного сексуального поведения – типичный механизм формирования колониального сознания, зацикленного на эротизации Чужого.

И здесь мы вновь вынуждены обратиться к уже упомянутому произведению А. Теннисона «Локсли Холл», в котором эти мотивы выражены очень сильно:

«Там смиряемые страсти вольно распахнут крыла;
Мне сынов родит дикарка, плодовита и смугла.
Мускулисто и проворно, племя дикое мое
Станет обгонять коосулю, к солнцу посылать копье,
Свистом подзывать колибри, пенный рассекать поток –
Им ли слепнуть над никчемным поученьем книжных строк?» [5, с. 101].

¹ Приведем лишь сокращенный перевод: «Была одна молодая леди из Лимы / Чья жизнь была быстрее парохода / Она играла в грязные игры с распятием / Получая от этого удовольствие».

Вообще тема эротизации Чужого довольно подробно изучена в научной литературе [11; 17; 18; 25; 28; 29], поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе.

Вместе с тем хотелось бы заметить, что помимо «скрытой» эротизации Чужого, вызванной искусственным конструированием Чужого тела и его сексуальности, Восток, и прежде всего Индия, Арабский Восток и Дальний Восток, играли важную роль в формировании нового культурного ландшафта в Европе, в котором сексуальность начинает проявлять себя более открыто, чем прежде. Встреча с сексуальной культурой Востока, активное «внедрение» в восточную сексуальную жизнь приводит к невольной трансгрессии со стороны носителей европейской культуры, так жадно впитывающих то, что на Западе относилось к «запретным плодам». Типичным примером может служить судьба известного английского офицера, путешественника, писателя и лингвиста Р.Ф. Бёртона. Он был один из тех, кто приоткрывал завесы сексуальной культуры перед Западом, переводя различные восточные сексуальные трактаты. Но именно он оказался жертвой сексуального скандала, будучи уволенным с военной службы в Ост-Индской компании, после того, как представил секретный доклад о публичных гомосексуальных домах в Карачи, частыми посетителями которых были английские офицеры [12, р. 27–65].

Вовлеченность английских офицеров в различные сексуальные скандалы в колониях стали обычным делом для Великобритании второй половины XIX в. Но не обходилось и без внутренних скандалов, в которых нередко были замешаны самые высокопоставленные особы и лица королевской семьи. Одним из держателей гомосексуального борделя в Лондоне оказался лорд Генри А. Сомерсет, а частым посетителем внук королевы и старший сын принца Уэльского принц Альберт Виктор, находящийся в списке претендентов на трон на втором месте [13; 15, р. 92]. Королевская семья постаралась замаять этот скандал, но он быстро просочился в прессу. И хотя прямых свидетельств участия принца Альберта в гомосексуальных связях не было, вместе с тем он был склонен к трансгрессивному поведению. И хотя до королевской семьи постоянно доходили всевозможные слухи о проблемном поведении юных принцев, однако, часто это были только слухи. Так, во время длительного плавания принца Альберта и его младшего брата кадетами на корабле ее величества корвете «Вакханка» до королевской семьи дошли из газет слухи, что наследники сделали себе татуировки прямо на носу. Так что их воспитателю пришлось писать принцу Уэльскому, что носы принцев не имеют каких-либо царапин, отметок или пятен, и что они такие же белые, как и перед тем, как выйти в плаванье [16, р. 78]. Однако, все же слухи были не беспочвенные, и принцы сделали себе татуировки, когда были в Токио. Альберт наколол на предплечья красного и синего драконов [16, р. 93]. Как говорит один из персонажей вампирского романа английской писательницы Флоренс Мариэтт «Вампирская кровь» (1897), «за границей человек делает такие вещи, о которых он и не мечтал в Англии» [24, р. 75]. Но, как это часто бывает, то, что имело место с англичанами за границей, со временем оказывалось неотъемлемой частью и жизни в метрополии.

Как нам кажется, эта характеристика имеет отношение не только к поведению принца королевской крови. Эта сентенция как нельзя лучше характеризует ситуацию и с лимериками, не важно написаны они для детей или для взрослых. Создатели их как бы использовали прием отстранения, рассказывая про Чужого, ведь чаще всего он оказывался главным героем их повествования. Все что происходит непонятного, странного или непристойного имеет отношение не к ним, а к Чужим. Ведь это житель Мадраса смешон или необычен, а ведет себя непристойно девушка из Лимы, которая использует распятие в качестве сексуального инструмента.

Конечно, многие сексуальные скандалы, перверсии и прочее не были связаны только с колониальным характером Соединенного Королевства. Изменяется и сама жизнь англичанина, появляются новые профессии, новые

занятия, складываются новые социальные страты, привносящие в размеренный английский культурный ландшафт новые традиции.

Однако, этот процесс не делал Англию менее колониальной страной. Традиция лимерика показывает, что этот прием отстранения как раз и был отражением ее колониальности, унаследовав английские фольклорные традиции лимерик превратился (семантически, а не стилистически) в совершенно новое явление, наряду с ботаническими садами, зоологическими коллекциями, увлечением натурализмом и прочим. И пока высшее общество увлекалось всем этим, средние классы экспериментировали с литературными формами, в которых все эти чудеса или странные события имели место:

*There was a young man from Peru,
Who had nothing whatever to do;
So he took out his carrot
And he buggered his parrot,
And sent the result to the zoo [26]¹.*

Подводя итог, заметим, что, хотя выбранная нами частушка и никоим образом не связана с лимериками, однако, она косвенно имеет к ним прямое отношение, так как в свою очередь связана с рефлексией на внешние раздражители культурной и природной среды, о чем мы собираемся поговорить во второй части нашей статьи, посвященной другой стороне колониальной политической географии – фронтальному фольклору.

Список литературы

1. Демурова Н. М. Об Эдварде Лире и его бессмыслицах / Н. М. Демурова // Книга бессмыслиц / Лир Эдвард. – М. : Рудомино, 1991.
2. Николюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2001.
3. Новицкая М. Детский фольклор / М. Новицкая, И. Райкова. – М. : Русская книга, 2002.
4. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев / П. Радин. – СПб. : Евразия, 1999.
5. Теннисон А. Волшебница Шалотт и другие стихотворения / А. Теннисон. – М. : Текст, 2007.
6. Честертон Г. К. Льюис Кэрролл // Приключение Алисы в Стране Чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса / Г. К. Честертон / Льюис Кэрролл. – М. : Пресса, 1992.
7. Чуковский К. От двух до пяти / К. Чуковский. – М. : Эй-Ди-Лтд, 1994.
8. Шалаева Г. Потешки и считалки / Г. Шалаева. – М. : ЛитРес, 2015.
9. Якушенков С. Н. Первые английские представления о зомби как отражение «встречи с Чужим» в условиях гетеротопии плантационного хозяйства / С. Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 2. – С. 242–251.
10. Якушенков С. Н. Эволюция образа Чужого на примере европейского дискурса о вампирах / С. Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 2. – С. 263–269.
11. Якушенкова Ол. С. Образы сексуальности Чужого как фактор, маркирующий фронтальную гетеротопию / Ол. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 3. – С. 350–356.
12. Arondekar A. For the Record: On Sexuality and the Colonial Archive in India / A. Arondekar. – Durham –London : Duke University Press, 2009.
13. Aronson Th. Prince Eddy and the homosexual underworld / Th. Aronson. – New York : Barnes & Noble, 1994.

¹ «Был молодой человек из Перу / Который не знал чем заняться / Он достал свою морковку / И занялся ею со своим попугаем / А результат послал в зоопарк».

14. Belknap George N. History of the Limerick / George N. Belknap // The Papers of the Bibliographical Society of America. – 1981. – Vol. 75, N. 1. – P. 1–32.
15. Cohen W. A. Sex Scandal: The Private Parts of Victorian Fiction / W. A. Cohen. – Durham – London : Duke University Press, 1996.
16. Cook A. Prince Eddy: The King Britain Never Had / A. Cook. – Stroud : The History Press, 2014.
17. Greg Th. The Sexual Demon of Colonial Power: Pan-African Embodiment and Erotic Schemes of Empire / Th. Greg. – Bloomington : Indiana University Press, 2007.
18. Krishnaswamy R. Effeminism: the economy of colonial desire / R. Krishnaswamy. – Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1998.
19. Lear E. Illustrated Excursions in Italy / E. Lear. – London : T. M'Lean, 1846. – Vol. 2.
20. Lear E. Illustrations of the Family of Psittacidae, Or Parrots / E. Lear. – London : E. Lear, 1832.
21. Lear E. Journals of a Landscape Painter in Albania, &c. / E. Lear. – London : R. Bentley, 1851.
22. Lear E. Journals of a Landscape Painter in Southern Calabria / E. Lear. – London : Bentley, 1852.
23. Levi P. Edward Lear: A Life / P. Levi. – New York : Tauris Parke Paperbacks, 2013.
24. Marryat F. The Blood of the Vampire / F. Marryat, G. Depledge. – Brighton : Victorian Secrets, 2010.
25. McClintock A. Imperial leather: race, gender and sexuality in the colonial contest / A. McClintock. – London – New York : Routledge, 1995.
26. The Pearl. – 1879. – July. – N 1.
27. Vidya Dehejia Impossible Picturesqueness: Edward Lear's Indian Watercolours, 1873–1875. – New-York : Columbia University Press, 1989.
28. Voss B. L. The archaeology of colonialism: intimate encounters and sexual effects / B. L. Voss, E. C. Casella. – New York : Cambridge University Press, 2012.
29. Young R. J. Colonial Desire: Hybridity in theory, culture and race / R. J. Young. – London : Routledge, 1995.

References

1. Demurova N. M. Ob Jedvarde Lire i ego bessmyslicah / N. M. Demurova // Kniga bessmyslic / Lir Jedvard. – M. : Rudomino, 1991.
2. Nikoljukin A. N. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij / A. N. Nikoljukin. – M. : Intelvak, 2001.
3. Novickaja M. Detskij fol'klor / M. Novickaja, I. Rajkova. – M. : Russkaja kniga, 2002.
4. Radin P. Triksster. Issledovanie mifov severoamerikanskih indejcev / P. Radin. – SPb. : Evrazija, 1999.
5. Tennison A. Volshebница Shalott i drugie stihotvorenija / A. Tennison. – M. : Tekst, 2007.
6. Chesterton G. K. L'juis Kjerroll // Prikljuchenie Alisy v Strane Chudes. Skvoz' zerkalo i chto tam uvidela Alisa / G. K. Chesterton / L'juis Kjerroll. – M. : Pressa, 1992.
7. Chukovskij K. Ot dvuh do pjati / K. Chukovskij. – M. : Jej-Di-Ltd, 1994.
8. Shalaeva G. Poteshki i schitalki / G. Shalaeva. – M. : LitRes, 2015.
9. Jakushenkov S. N. Pervye anglijskie predstavlenija o zombi kak otrazhenie «vstrechi s Chuzhim» v uslovijah geterotopii plantacionnogo hozjajstva / S. N. Jakushenkov // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. – 2013. – № 2. – S. 242–251.
10. Jakushenkov S. N. Jevoljucija obraza Chuzhogo na primere evropejskogo diskursa o vampirah / S. N. Jakushenkov // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. – 2012. – № 2. – S. 263–269.

11. Jakushenkova OI. S. Obrazy seksual'nosti Chuzhogo kak faktor, markirujushhij frontirnuju geterotopiju / OI. S. Jakushenkova // Kaspjiskij region: politika, jekonomika, kul'tura. – 2014. – № 3. – S. 350–356.
12. Arondekar A. For the Record: On Sexuality and the Colonial Archive in India / A. Arondekar. – Durham – London : Duke University Press, 2009.
13. Aronson Th. Prince Eddy and the homosexual underworld / Th. Aronson. – New York : Barnes & Noble, 1994.
14. Belknap George N. History of the Limerick / George N. Belknap // The Papers of the Bibliographical Society of America. – 1981. – Vol. 75, N. 1. – P. 1–32.
15. Cohen W. A. Sex Scandal: The Private Parts of Victorian Fiction / W. A. Cohen. – Durham – London : Duke University Press, 1996.
16. Cook A. Prince Eddy: The King Britain Never Had / A. Cook. – Stroud : The History Press, 2014.
17. Greg Th. The Sexual Demon of Colonial Power: Pan-African Embodiment and Erotic Schemes of Empire / Th. Greg. – Bloomington : Indiana University Press, 2007.
18. Krishnaswamy R. Effeminism: the economy of colonial desire / R. Krishnaswamy. – Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1998.
19. Lear E. Illustrated Excursions in Italy / E. Lear. – London : T. M'Lean, 1846. – Vol. 2.
20. Lear E. Illustrations of the Family of Psittacidae, Or Parrots / E. Lear. – London : E. Lear, 1832.
21. Lear E. Journals of a Landscape Painter in Albania, &c. / E. Lear. – London : R. Bentley, 1851.
22. Lear E. Journals of a Landscape Painter in Southern Calabria / E. Lear. – London : Bentley, 1852.
23. Levi P. Edward Lear: A Life / P. Levi. – New York : Tauris Parke Paperbacks, 2013.
24. Marryat F. The Blood of the Vampire / F. Marryat, G. Depledge. – Brighton : Victorian Secrets, 2010.
25. McClintock A. Imperial leather: race, gender and sexuality in the colonial contest / A. McClintock. – London – New York : Routledge, 1995.
26. The Pearl. – 1879. – July. – N 1.
27. Vidya Dehejia Impossible Picturesqueness: Edward Lear's Indian Watercolours, 1873–1875. – New-York : Columbia University Press, 1989.
28. Voss B. L. The archaeology of colonialism: intimate encounters and sexual effects / B. L. Voss, E. C. Casella. – New York : Cambridge University Press, 2012.
29. Young R. J. Colonial Desire: Hybridity in theory, culture and race / R. J. Young. – London : Routledge, 1995.

ЦИКЛОБРАЗУЮЩИЕ СВЯЗИ В СБОРНИКЕ В. НАРБУТА «АЛЛИЛУЙА»

Гущина Ксения Николаевна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: k.churzina@yandex.ru.

Данная статья посвящена циклообразующим связям в сборнике В. Нарбута «Аллилуйя». В работе предпринята попытка комплексного анализа поэтики сборника в контексте акмеистической традиции, что позволило нам выявить идейно-тематические, композиционные, мотивно-образные, изобразительно-выразительные особенности, и на этой основе определить принципы, объединяющие все произведения сборника, а также выявить единые художественные приемы, полученные в результате циклизации. Выводы, полученные в результате анализа, помогают, глубже понять и интерпретировать